

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.6)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-96-103

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ «СВОЕГО» В ЖАНРЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

© *Ирина Григорьевна Паневина*

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург, Россия

zarina_4@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются языковые средства репрезентации категории «своего», являющейся неотъемлемой частью дихотомии «свое–чужое», важной для любого этноса. Материалом исследования послужили путевые заметки немецких публицистов и писателей – Лиона Фейхтвангера и Йозефа Рота, посетивших СССР в 20-е–30-е гг. прошлого века. Анализируются группы языковых средств как грамматического, так и лексического уровня, способствующих вербализации категории «своего» в рассматриваемых произведениях, а также их стилистические функции в тексте. Особое внимание уделяется языковым средствам выражения оценки, которые авторы используют при изображении «своей», родной действительности.

Ключевые слова: дихотомия «свое»–«чужое», категория «своего», национально-культурная концептосфера, путевые заметки.

Для цитирования: Паневина И.Г. Особенности языковой репрезентации категории «своего» в жанре путевых заметок // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 96-103. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-96-103

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.6)

Original article

Features of the linguistic representation of the category of "Own" in the genre of travel notes

© *Irina G. Panevina*

Military Academy of Communications of Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny, St. Petersburg, Russian Federation

zarina_4@rambler.ru

Abstract. It is considered the linguistic means of representation of the category of "Own", which is an integral part of the opposition "Own – Alien", which is important for any ethnic group. The research material was travel notes by German publicists and writers – Lion Feuchtwanger and Joseph Roth, who visited the USSR in the 1920s–1930s of the last century. The article analyzes groups of linguistic means, both grammatical and lexical, contributing to the verbalization of the category of "Own" in the works under consideration, as well as their stylistic functions in the text. Particular attention is paid to the linguistic means of expressing evaluation, which the authors use when depicting their "own", native reality. At the same time, it is mandatory to take into account the historical and cultural context of the creation of the works in question, the social and political situation prevailing at that time in individual countries and the world as a whole.

Key words: the Soviet Union of the 20s–30s, the opposition "Own – Alien", the "Own" category, the national-cultural conceptosphere, travel notes.

For citation: Irina G. Panevina Features of the linguistic representation of the category of "Own" in the genre of travel notes. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 97. No 2. P. 96-103. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-96-103 .

Введение

Целью настоящей статьи является изучение особенностей языковой репрезентации категории «своего» в заметках путешественников. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач: во-первых, описать место дихотомии «свое–чужое» и категории «своего» как ее неотъемлемой части в национально-культурной концептосфере; во-вторых, выявить группу языковых средств, участвующих в репрезентации категории «своего» в произведениях, относящихся к жанру путевых заметок; в-третьих, рассмотреть языковые средства выражения оценки и особенности оценивания изучаемой категории в языковом материале.

Актуальность настоящей работы обусловлена характером проведенного исследования, позволяющим рассмотреть изучаемое явление (категорию «своего») с позиций междисциплинарного подхода, с учетом данных межкультурной коммуникации, культурологии, истории. Выбор в качестве материала исследования путевых записок, репортажей путешественников позволяет составить объективный образ действительности с учетом актуальных реалий повседневной жизни людей в конкретный временной период.

Дихотомию *свой – чужой* считают базовой для человеческого сознания, фундаментальной для развития этноса и национальной культуры, поскольку она лежит в основе формирования национальной (этнической) и социальной идентичности [5, с. 167].

Как разграничение и противопоставление «своего» и «чужого», так и их сближение, взаимопроникновение происходит в каждой локальной культуре в рамках национально-культурной концептосферы [2, с. 139]. Личность осознает себя частью некоторой общности в силу общих признаков (качеств, характеристик), понимаемых как достояние / свойство всех «своих» членов этнокультурного сообщества. К этноинтегрирующим факторам ученые относят, в частности, общность языка и культуры, экономической жизни и психического склада, происхождения и исторической памяти, территории и государственности. Отмечается, что при миграциях из всех групповых свойств сохраняются 1) общие свойства культуры, 2) общие свойства психики, 3) представление о принадлежности к одному целому [3, с. 54].

Дихотомия «свой-чужой» в культуре носит выраженный оценочный характер. Это проявляется в том, что восприятие чужой культуры всегда в той или иной мере предполагает оценку, осуществляемую с позиции своей. Для мифологического сознания принадлежность к *своим* предопределяет положительную оценку любого события или явления. По отношению к *чужому* допустимы неприемлемые для *своих* действия и поступки, во взаимоотношениях с *чужим* действуют иные нормы [3, с. 54].

Эти особенности оценивания обусловлены условиями становления личности в социуме. Поскольку личность проходит социализацию в «своей» культурной среде, последняя формирует систему норм и ценностей, в соответствии с которыми воспринимается и получает оценку объект. Мы понимаем норму как субъективно-объективное представление о естественном, верном или единственно возможном способе (способах) существования, состояния, отношения и взаимодействия явлений, предметов, событий реального мира. Норма является объективной, поскольку формируется социальным окружением индивида, и субъективной, поскольку ее формирование осуществляется и через личный опыт личности. В этом отношении «свое» во многих случаях воспринимается не только как «лучшее» в сравнении с «чужим», но и как «естественное», «нормальное». В таких случаях, то, что не соответствует норме, воспринимается негативно, одновременно происходит активация положительного «мы»-образа [1, с. 6]. Однако в случае постоянного негативного / критического отношения к тем или иным аспектам области «своего» может произойти перенос положительной оценки в область Чужого.

Обсуждение

Проиллюстрировать особенности оценивания исследуемой дихотомии на примере описания категории «своего» позволяет анализ путевых заметок, сделанных немецкими путешественниками, которые посетили СССР в первые десятилетия после его образования.

Писатель и журналист Йозеф Рот посетил молодое Советское государство в августе 1926 г. в качестве журналиста *Frankfurter Zeitung*. Во время своей поездки он побывал в ряде

городов: Москве, Астрахани, Ялте, Баку, Севастополе, Тифлисе, Одессе, Киеве, Харькове, Ленинграде. После возвращения на родину писатель представил свои впечатления от путешествия в книге под названием «Reise nach Russland».

Категории «своего» в книге Й. Рота уделяется намного меньше внимания, чем «чужому», что соответствует цели и задачам автора: описать свое путешествие в чужую страну, сформировать у читателя образ этой малоизвестной и загадочной для него страны. Описание «своего» встречается только в случаях сравнения Советской Республики с западными странами.

В категорию «своего» писатель включает не только родную ему Германию, но и весь западный, капиталистический мир, противостоящий стране строящегося социализма. Данная категория зачастую объективируется с помощью грамматических средств: употребления местоимений 1-го лица множественного числа (*wir / uns, unser*):

Es gibt 71 Universitäten, von denen nur 18 *unseren* Universitäten entsprechen... [7, с. 223].

... während bei *uns, in allen westlichen Ländern*, zuerst die Kritik sich regt, dann sich häuft und schließlich in einer schlagenden Formulierung ihre gemeinsame Kraft vereinigt – ist in Sowjet-russland zuerst das Schlagwort da... [7, с. 212].

Schicken sie *uns* den “Potemkin” und lassen sich dafür den Gunnar kommen, die Russen? Welch ein Tausch! [7, с. 125].

Wenn *bei uns* eine alte und, wie man sagt: müde Kultur durch Girls, Faschismus, flache Romantik pathologisch banal wird, so wird hier eine eben erst geweckte, brutal kräftige Welt gesund banal. *Unserer* dekadenten Banalität steht gegenüber die neurussische, frische, rotbackige Banalität [7, с. 178].

Сравнения Советской России со «своим», привычным миром затрагивают различные аспекты: образование, культуру, кинематограф, особенности общественной жизни и становятся необходимы автору для создания максимально выразительного образа чужой страны, а также для того, чтобы сделать изображаемую картинку понятной для западной аудитории, которой книга и адресована.

Среди лексических средств объективации «своего» необходимо отметить антропонимы, употребляемые в тексте наряду с антропонимическими средствами «чужого»:

Der enteignete Kapitalist ... geht am Abend in die Halle des großen Hotels, wo zwar ein Bild von *Lenin* hängt, aber auch eins von *Fragonard*, der „*Combat de la Flute*“ aus dem Speisezimmer meiner Tante... Es ist eine ganz großbürgerliche Welt, wie im Westen Europas [7, с. 150].

В советских гостиницах, рассчитанных на состоятельных постояльцев, портреты Ленина мирно соседствуют с изящными, фривольными картинами Жана Оноре Фрагонара – европейского художника XVIII в., которые можно встретить и в салонах западной буржуазии.

Сравнивая советских школьников и немецких гимназистов его времени, автор отмечает большое сходство между ними, несмотря на разницу систем общественного устройства: по его мнению, они так же далеки от действительности, не знают реальности, так же плохо подготовлены к жизни:

Der russische Schüler tritt genauso unvorbereitet ins Leben wie *wir*. Das russische Leben ist von der russischen Schule genauso weit entfernt, wie zu *unserer* Zeit die Wahrheit von der Sentimentalität entfernt war, mit der *wir* gefüttert wurden. Eine kitschige Büste von *Lenin* im Klassenzimmer ist genauso schädlich wie ein kitschiger Öldruck vom *Kaiser* [7, с. 232].

Сравнивая реалии советской и немецкой действительности (Eine kitschige Büste von *Lenin* – ein kitschiger Öldruck vom *Kaiser*), с помощью повторяющихся эпитетов автор высказывает свое мнение о негативном влиянии навязываемых идеалов на умы молодого поколения в обоих случаях, поскольку это уводит их от реальности и мешает мыслить самостоятельно.

Интертекстуальные включения являются для автора еще одним средством противопоставления «своего» и «чужого»:

Man erzieht zu der Hingabe an ein “Ideal”, das in einem braven bürgerlichen Rahmen an der Wand hängt, über der Schultafel, und darunter steht nicht mehr: “*Mit Gott für König und Vaterland!*”, sondern justament: “*Ohne Gott für die “Ideologie”. Für das Proletariat, für die Industrialisierung, gegen die Philologie und gegen die “Romantik”*” [7, с. 233].

Сравнивая лозунги, на которых воспитывается поколение советских людей, и лозунги, на которых воспитывался он сам в родной стране, автор также делает вывод о схожести систем воспитания в Советской России 1920-х гг. и кайзеровской Германии. Хотя содержание лозунгов, висящих над школьной доской, поменялось, неизменной осталась цель их использования: внушение определенных идеалов.

Несмотря на свое восхищение достижениями страны Советов, ее интенсивным развитием в 1920-е гг. Й. Рот не скрывает своей тоски по привычной ему буржуазной Европе, ее легкомысленности и испорченности, по благам цивилизации, обреченной, по его мнению, в силу своей испорченности на гибель:

Mitten in der Bewunderung für eine Welt, die aus eigener Kraft, mit mehr Ekstase als Material, ohne Geld und ohne Freunde, Zeitungen druckt, Bücher schreibt, Maschinen baut und Fabriken, Kanäle gräbt, nachdem sie kaum noch ihre Toten bestattet hat – mitten in der Bewunderung ergreift mich ein Heimweh nach *unserem Leichtsinn und unserer Verwerflichkeit*, eine Sehnsucht nach dem *Aroma der Zivilisation*, ein süßer Schmerz um unsere wissenschaftlich schon ausgemachte Dekadenz, ein kindischer, dummer, aber inbrünstiger Wunsch, noch einmal eine Modeschau bei *Moulineux* zu sehen, eine Nummer vom “*Sourire*” und den ganzen Untergang des Abendlandes: Wahrscheinlich ist das ein bourgeois Atavismus [7, с. 164].

Описание СССР в приведенном отрывке награждается автором положительными коннотациями: страна, которая в одиночку, несмотря на финансовые проблемы и изоляцию от мира, строит заводы, сооружает каналы, печатает книги. Западный же мир, напротив, представлен с отрицательным знаком оценки. Однако, одновременно с этим, писатель иронизирует над свойственной ему «буржуазной» слабостью к благам «испорченной» западной цивилизации, демонстрируя, таким образом, несоответствие знаков оценки в субъективном и объективном восприятии «своего» и «чужого».

Реализации категории «своего» в приведенном примере также служат ономастические реалии: название французской газеты (“*Sourire*”) и фирмы (*Moulineux*). При этом необходимо отметить, что в целом Й. Рот негативно характеризует жизнь в капиталистической Европе, выдвигая при этом целый ряд серьезных обвинений, в чем ему вновь помогает использование оценочной лексики:

Im Westen aber wartet ein großer Teil der geistigen Elite auf das bekannte Licht vom Osten. *Die Stagnation europäischen geistigen Lebens, die Brutalität politischer Reaktion, die korrupte Atmosphäre, in der das Geld gemacht und ausgegeben wird, die Hypokrisie der Offiziellen, der falsche Glanz der Autoritäten, die Tyrannei der Anciennität*: Das zwingt die Freien und die Jungen, von Russland mehr zu erwarten, als die Revolution geben kann [7, с. 176].

Политическая реакция, застой в духовной жизни, атмосфера коррупции, тирания власть имущих, все это заставляет многих европейцев-современников писателя с надеждой смотреть в сторону России, ожидая от нее новых веяний, новых тенденций.

Однако после своего путешествия Й. Рот отказывается от своих прежних иллюзий – духовного обновления в Советской России, по его словам, он не увидел: *Vorläufig bleibt immer noch die geistige Physiognomie Europas interessanter – wenn auch ihre politische und soziale Physiognomie schauderhaft ist* [7, с. 180].

Политическая и социальная жизнь Европы 20-х гг. XX в., где к власти в ряде стран начали приходить фашисты, то же самое надвигалось и в родной ему Германии, кажется ему омерзительной (*schauderhaft*). Однако, несмотря на это, духовная жизнь Европы привлекает его все же больше.

Таким образом, категория «своего» представлена в книге Й. Рота крайне неоднозначно. С одной стороны, автор подвергает жестокой критике многие аспекты жизни в родной Германии и прочих европейских государствах, которые также включает в область «своего» и противопоставляет «чужой» советской действительности. С другой стороны, несмотря на признание значительных достижений Советского Союза в 20-е гг. XX в., чаша весов для писателя все же склоняется в сторону «своего», привычного мира.

Еще один известный писатель – Лион Фейхтвангер – посетил Советский Союз зимой 1937 года. Результатом этой поездки стала книга “Moskau 1937”, представляющая собой его путевые заметки. Книга не нашла признания на Западе. Даже ближайшие друзья Л. Фейхтвангера, среди них Штефан Цвейг, Франц Верфель, Бруно Франк и др, выражали свое неодобрение по поводу прочитанного. Объяснялось это тем, что Л. Фейхтвангер первым из крупных западных писателей осмелился громко заявить о своей симпатии к Советскому Союзу, высказать надежды, которые он связывал с этим «смелым экспериментом» [4, с. 144].

В своей книге автор явно противопоставляет Советский Союз европейским фашистским державам, находящимся под руководством Гитлера, Франко, Муссолини. В тексте неоднократно встречаются отсылки к ним: *deutsche Faschisten* [6, с. 8]; *faschistische Führer* [6, с. 9]; *die Diktatur der faschistischen Minderheit* [6, с. 51]; *faschistische Theorien* [6, с. 70].

Писатель безжалостно клеймит фашистов, отбирая для этого лексику с резко отрицательной оценочностью, говорит о жестокости, варварстве захватчиков: *bösartige Narren* [6, с. 71]; *böse Nachbarn* [6, с. 72]; *der andrängende Barbarismus* [6, с. 110]; *der Einbruch der Barbaren* [6, с. 106].

Писатель приводит следующее представление советских людей о фашистах, при этом очевидно, что он полностью согласен с таким описанием:

Er stellt sich die Leute Hitlers, Mussolinis, Francos als eine Art von *Primitiven* vor, als *Wilde*, die zwar ausgestattet sind mit modernsten technischen Waffen, aber keine Ahnung haben von den Elementen der Zivilisation... Sie empfinden gegen ihn (Faschismus) nicht eigentlich Haß, eher *Widerwillen wie vor einem lästigen, giftigen Insekt* [6, с. 71].

Изображая фашистов, Л. Фейхтвангер делает упор на таких качествах как отсутствие цивилизованности (*die Primitiven, keine Ahnung von ...der Zivilisation, die Narren, die Barbaren*), дикая, необузданная жестокость (*die Wilden, böse*). Путем сравнения их с отвратительным, докучливым, ядовитым насекомым (*Widerwillen wie vor einem lästigen, giftigen Insekt*), автор добивается того, что ему удастся вызвать и у читателя отвращение к этим людям.

Л. Фейхтвангер, подобно многим другим просвещенным людям того времени прекрасно осознает угрозу, исходящую от фашистского режима: *faschistische Führer mit ihren drohenden Reden ...* [6, с. 9], *die Kriegsdrohung, die von den faschistischen Mächten ausgeht...* [6, с. 46].

Описывая чувства людей, которые вынуждены жить под гнетом нацистского режима, писатель также подчеркивает их отрицательную оценку (*Verzweiflung, Zorn, Furcht*): *Besonders aus den faschistischen Diktaturländern kamen Verzweiflungsrufe, unzählige...; Zorn und Verzweiflung besiegten die Furcht vor Gefängnis* [6, с. 12].

Таким образом, необходимо признать, что для Л. Фейхтвангера, немца по происхождению и национальности (если быть точным, немецкого еврея), его Родина в рассматриваемый период настолько неотделима от фашистского зла, что он всеми возможными способами пытается от нее дистанцироваться. С помощью различных лексических средств писатель подчеркивает, что страна эта на данном этапе перестала быть родной для него, следовательно, в концепции «свое-чужое», фашистская Германия, так же как Советский Союз стоят для него на стороне «чужого», однако при этом с полярными знаками оценки. Именно в СССР видит Л. Фейхтвангер силу, способную уничтожить фашизм: *... allein ihre Rote Armee habe die Welt bisher vor dem Ausbruch des großen faschistischen Krieges und die Zivilisation vor dem Einbruch der Barbaren gerettet* [6, с. 106].

Хотя писатель вновь приводит это высказывание как точку зрения советских людей, его симпатии и солидарность с ней очевидны.

В диаде «свое–чужое» «своим» для писателя является западный мир, европейские капиталистические (демократические) государства, противопоставляемые «чужому» – СССР и странам с ненавистным ему фашистским режимом. Это подчеркивается употреблением грамматических местоимений первого лица единственного и множественного числа с обозначениями западных государств:

Wir in Mitteleuropa [6, с. 8]; ...was *uns* im Westen unerlässlich erscheint ... [6, с. 12]; solange *ich in Westeuropa* war [6, с. 87]; ...so fremdartig und manchmal abstoßend die Vergötzung Stalins *uns* westlichen Menschen erscheinen mag.... [6, с. 57].

Парадоксальным в произведении Л. Фейхтвангера является, однако, то, что «свои» – демократические государства отнюдь не являются для писателя положительно коннотированными. Как раз наоборот, сопоставление их с Советским Союзом по многим аспектам показывает превосходство социалистического государства над европейскими. Писатель явно подчеркивает недостатки западных стран, выставляя их в самом мрачном свете. Особенно беспокоят его судьбы европейской молодежи:

Die meisten Briefe, die junge Menschen außerhalb der Sowjetunion an mich schreiben, sind *SOS-Rufe*... [6, с. 19]. *Zahllose junge Menschen im Westen wissen nicht*, wohin sie gehören ..., haben nicht nur *keine Aussicht*, die Arbeit zu bekommen, die ihnen Freunde macht, sondern überhaupt keine Aussicht auf Arbeit. Sie *wissen nicht*, was sie tun sollen, *welchen Sinn* ihr Leben haben soll, alle Wege vor ihnen scheinen *ohne Ziel* [6, с. 20].

...ihre Zukunft ist *leer* und eher eine *Drohung* als eine Hoffnung [6, с. 16].

По его мнению, молодые люди западных стран не имеют будущего, лишены перспектив, запутались в поиске смысла жизни, определенной цели. Описывая положение молодежи в современную ему эпоху Л. Фейхтвангер употребляет слова с негативной оценкой (*SOS-Rufe*, *eine Drohung*, *leer*), отрицания (*keine Aussicht*, *ohne Ziel*, *wissen nicht*). Если принять во внимание, что написаны эти строки были в период кризиса во многих европейских странах и нарастающей угрозы фашистской интервенции, необходимо признать, что слова писателя во многом отражали истинное положение вещей.

Писатель иронизирует над так называемой «демократией» капиталистических стран: *Der sogenannte demokratische Parlamentarismus, die sogenannte demokratische Pressefreiheit* [6, с. 51].

Очевидно, что автор не имеет доверия к этой форме правления, прежде всего потому, что он не видит исполнения основных принципов демократии – свободы и равенства – на деле: *...heuchlerische Gleichheit des Besitzenden und des Besitzlosen, des Satten und des Hungrigen, des Ausbeuters und des Ausgebeuteten* [6, с. 53].

С помощью антитезы автору удается показать неравноправие слоев общества в западном мире и продемонстрировать свою иронию по отношению к тому, по его мнению, мнимому, «равенству», которое лицемерно (*heuchlerisch*) воспевается в капиталистических странах.

Особенно жестокими становятся его обвинения в сторону европейской демократии в конце книги:

Die Luft, die man im Westen atmet, ist *verbraucht und schlecht* [6, с. 110].

...das Dasein in einem kapitalistischen Land in der *schlechten moralischen Luft* [6, с. 110]

Die *drückende Atmosphäre* einer *verfälschten Demokratie* und eines *heuchlerischen Humanismus* ... [6, с. 111].

Die Halbheit des Westens [6, с. 111].

Негативное отношение писателя подчеркивается употреблением эпитетов с резко отрицательной оценкой, характеризующих атмосферу западных государств (*verbraucht*, *schlecht*, *drückend*, *verfälscht*, *heuchlerisch*). Все это позволяет Фейхтвангеру говорить о «нецелостности» (*die Halbheit*) западного мира, подчеркивая его лживость и несовершенство.

Писатель отмечает также абсолютную бездеятельность капиталистических государств, их неспособность к конкретным поступкам в отношении многих проблем, прежде всего, в отношении угрозы со стороны фашизма:

... während die demokratischen Länder *durch Abrüstungsgeschwätz* und ständiges Entgegenkommen die faschistischen Staaten zu immer neuen Gewalttaten stimulieren... [6, с. 52].

Nun ist aber *das Unken und Miesmachen oder Meckern* eine Beschäftigung, die vielen so am Herzen liegt... [6, с. 55].

Фейхтвангер ставит демократическим станам в упрек пустотословие, поскольку все слова и жалобы в них не сопровождаются активными действиями (*Abrüstungsgeschwätz, das Unken und Miesmachen oder Meckern*).

Автор старается быть справедливым и отмечает, что уровень жизни в капиталистических странах, конечно, выше, чем в СССР, граждане этих стран могут позволить себе больше, их материальное положение гораздо лучше, однако, по мнению автора, это материальное благополучие является крайне шатким и нестабильным (*steht auf unsicherem Grund*), будущее этих держав весьма неопределенно:

Vorläufig lebt außerhalb der Sowjet-Union der Durchschnittsbürger in vielen Ländern noch behaglicher, als innerhalb der Grenzen der Sowjet-Union; aber dieses behagliche Leben steht auf unsicherem Grund... [6, с. 30].

Таким образом, противопоставление «свое-чужое» в книге Лиона Фейхтвангера «*Moskau 1937*» реализуется следующим образом: На стороне «своего» стоит Западная Европа, подвергаемая автором беспощадной критике. Фейхтвангер критикует общественные условия на Западе, европейскую демократию, как таковую, осуждает западные страны за бездействие перед фашистской угрозой.

На стороне «чужого» стоят фашистская Германия (собственно Родина писателя) и Советский Союз, однако с полярными знаками оценки. Если фашизм вызывает ненависть писателя, при описании его форм и проявлений в книге используется исключительно лексика с резко отрицательной оценкой, то в характеристике Советского Союза преобладают положительные коннотации. Автор старается быть справедливым и отмечает многие негативные стороны жизни в СССР, но, несмотря на критику, он восторгается этим новым, единственным на тот момент в истории обществом.

Выводы

Категория «своего» неразрывно связана с категорией «чужого», поскольку мы всегда оцениваем какое-либо явление с точки зрения своего опыта и привычных нам реалий. Исходя из этого, хотя первичной целью заметок путешественников является изображение чужой действительности, зачастую авторы не могут избежать при этом сравнения со своей страной и своей культурой.

Категория «своего» в жанре путевых заметок находит языковую репрезентацию с помощью целого ряда средств, как грамматического уровня (личные и притяжательные местоимения 1-го лица единственного или множественного числа), так и средств лексического уровня (ономастические реалии, интертекстуальные включения, сравнения, антитеза, оценочная лексика, включая оценочные эпитеты).

Утверждение, что «свое» обычно воспринимается как «лучшее» в сравнении с «чужим», далеко не всегда оказывается верным. Оба писателя подвергают «свои» страны жестокой критике. Если в случае с Йозефом Ротом, несмотря на отрицательную оценку родного ему западного мира, симпатии писателя, в конечном итоге, все же оказываются на стороне последнего, то Леон Фейхтвангер не находит в современной ему «своей» действительности практически ничего положительного. Увлеченный смелым проектом строительства нового мира в СССР он целиком и полностью на его стороне. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о крайней субъективности жанра путевых заметок, что необходимо учитывать в процессе исследования репрезентации дихотомии «свое»–«чужое».

Список источников

1. *Балясникова О.В.* «Свой–чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур // Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.
2. *Бойко М.А.* Влияние дискурсивных факторов «свой», «чужой» и «другой» на создание в современной прессе позитивного образа страны // Язык, коммуникация и социальная среда. 2006. Вып. 4. С. 139–148.

3. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Изд-во ЛКИ, 2020. 436 с.
4. *Заяц И.Г.* Советская Россия 20-х–30-х гг. XX века глазами немецких путешественников (лингвокультурологический анализ) // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 141–153.
5. *Леву-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.
6. *Feuchtwanger L.* Moskau 1937. Ein Reisebericht für meine Freunde. Berlin, 1993. 271 S.
7. *Roth J.* Reise nach Russland. Feuilletons, Reportagen, Tagebuchnotizen 1919–1930. Köln: Kiepenheuer Witsch, 1995. 294 S.

References

1. *Balyasnikova O.V.* "Own and Alien" in the linguistic consciousness of the speakers of Russian and English cultures. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. M., 2003. 21 p.
2. *Bojko M.A.* Influence of discursive factors "Own", "Alien" and "Other" on the creation of a positive image of the country in the modern press // Language, communication and social environment. 2006. No 4. Pp. 139–148.
3. *Bromlej Yu.V.* Essays on the theory of ethnos. M.: LKI, 2020. 436 p.
4. *Zayac I.G.* The Soviet Russia in the 1920s–1930s from point of view of the German travelers (linguocultural analysis) // Humanities and social sciences. 2019. No. 2. Pp. 141–153.
5. *Levi-Stross K.* Primitive thinking. M.: Republik, 1994. 382 p.
6. *Feuchtwanger L.* Moscow 1937. Travel notes for my friends. Berlin, 1993. 271 p.
7. *Roth J.* Travel to Russia. Feuilletons, reports, notes 1919–1930. Köln: Kiepenheuer Witsch, 1995. 294 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.